

О.В. КРАХАЛЕВА

**ТРАДИЦИОННЫЕ СОБРАНИЯ МОЛОДЕЖИ ДЕРЕВЕНЬ ЕНИСЕЙСКОГО УЕЗДА
В КОНТЕКСТЕ ГОДОВОГО ЦИКЛА ОБРЯДОВ И ПРАЗДНИКОВ**

аспирант,
Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки
e-mail: krahlov73@mail.ru

В статье описывается локальная фольклорная традиция старожилов Сибири – енисейская. В центре внимания автора находятся традиционные собрания крестьянской молодежи, которые вместе с предсвадебными и собственно свадебными ритуалами составляют единый период ее перехода в новую социовозрастную группу.

Ключевые слова: вечерка, хороводы, фольклор сибирских старожилов.

О календарных обрядах русских в Сибири упоминается во многих работах, посвященных фольклору и этнографии данного региона. Опираясь на публикации этнографов начала XX в. и полевые материалы, можно реконструировать годовой цикл обрядов и праздников сибирского крестьянина¹. А.А. Макаренко, сравнивая сибирский календарь с общерусскими обрядами и праздниками, отмечает, что в нем сказываются некоторые стороны местных обычаев, занятий и верований, однако, преобладают отзвуки старинного прошлого, унаследованного сибиряками-русскими от своих предков [1, с. 29]. Говоря о различиях между общерусским календарем и сибирским, нужно помнить о климатических условиях жизни сибирского крестьянина [1, с. 8; 2, с. 16]. Поздно наступавшая весна и ранняя осень укорачивали, уплотняли летний сельскохозяйственный сезон. Занятия охотой и рыболовством (столь необходимые в жизни крестьян данного региона) влияли на сроки проведения некоторых праздников.

При рассмотрении годового цикла жизни енисейских крестьян важно уяснить, какое место отводилось в нем традиционным собраниям молодежи («молодежь») в большинстве русских традиций называли парней и девушек до вступления в брак), к каким периодам года они были приурочены и как соотносились с двумя важнейшими ритуалами традиционной культуры – календарным земледельческим циклом обрядов и праздников и свадебным чином. Сельская молодежь существовала в особой временной системе, в которой будничное и праздное время имело отличное от них наполнение. Считалось, что в условиях некоторой изоляции и свободы молодежь должна была успешно выполнить свою основную задачу – перейти в полноценное взрослое состояние. Образ жизни и формы поведения молодежи в бытовых и сакральных ситуациях

«перехода» в трудах Т.А. Бернштам обозначаются как «игра». Полный объем игры молодежи выполнялся в течение одного календарного года, начиная с весны [3, с. 231].

Поскольку объектом исследования являются традиционные молодежные собрания, рассмотрение годового цикла обрядов и праздников крестьянской общины следует начать с того времени, когда молодежь вступала в игровой круг. Именно весной в селениях Енисейского уезда начинался *выход из дома* для объединения и последующего общения круга молодежи, вступившего в «игру» [1, с. 198; 4, с. 93]. Объединяли молодежную группу и руководили игрой в весенне-летний период девушки. Термин «хоровод» [5, с. 269] обобщает народные названия, обозначающие весенне-летние уличные собрания молодежи.

Весенние хороводы, песни, игры, так или иначе упоминаются в публикациях исследователей сибирских традиций второй половины XX в. [7]. Достаточно развит троичный цикл обрядов в Томско-Кузнецком регионе. Хороводы и игровые песни звучали в весенне-летний период в деревнях Томской области. В сборниках песен Тюменской области отсутствует описание весенне-летних собраний молодежи, но среди жанровых разновидностей выделяются песни, которые в зависимости от места, времени, цели и характера исполнения назывались: *лужаночные*, игровые, хороводные, круговые. В приангарских селениях «полянки» (местное название весенне-летних собраний молодежи) начинались после Пасхи. В русских селениях Иркутской области уличные хороводы водились на поляне под хороводные и круговые, *хожалые* песни. Само слово *елань* (поляна) перешло в название весенних собраний молодежи и отдельного танца.

В европейской части России хороводы обычно начинали водить ранней весной, на Красную горку, в Сибири же в это время (какой бы поздней ни была Пасха) нередко еще лежат снега и стоят морозы. Возможно, период хороводов в отдельных поселениях

¹ Для написания статьи использованы материалы экспедиций (руководитель И.В. Федоренко) Красноярской государственной академии музыки и театра 1989-1990 гг. в Енисейский район.

начинался раньше, и климатические условия не могли оказывать на их проведение столь существенного влияния². Все же как время разгара хороводных гуляний всюду в Сибири упоминается праздник Троицы. В силу природно-климатических условий начало периода весенних хороводов сдвигалось на более позднее время, а в некоторых селениях ранние хороводы и вовсе «вывелись», на что указывают исследователи сибирского фольклора в начале XIX в. [2, с. 16].

В системе календарных обрядов и праздников закливание весны было праздником юности и приходило на время, близкое ко дню весеннего равноденствия. Девушки вместе с подростками, детьми, выходили за околицу, пели заклички, веснянки, подбрасывая вверх вылепленных из теста и испеченных «птиц», имитируя их прилет, способствовавший наступлению весны [6, с. 10].

Пасха – первый большой весенний общинный праздник. Молодежь собиралась отдельно. Языческим проявлением имитационной магии в Пасху для молодежи было качание на качелях (игровая форма хоровода – по Т.А. Бернштам), как на дворовых, так и на больших, поставленных где-нибудь на берегу или посреди деревни. В д. Ялань подобную качель называли «исполин», в Богучанском районе – «высполин», она представляла собой столб, наверху которого устанавливались перекладыны, от них спускались вниз веревки. Качаясь на качелях, пели песни (календарные песни в праздник не звучали – их функцию выполняли песни иных жанров, чаще всего вторично приуроченные лирические и хороводные) [1, с. 198; 4, с. 92].

В Радуницу и на Вознесение поминали умерших, ходили на кладбище, брали с собой пасхальные куличи, яйца. Молодежь к вечеру собиралась на берегу, играли в «городки», в «чижика» и другие игры. Возможно, что в местной традиции на Вознесение, как и на Пасху, водили хороводы [6, с. 41].

Первая кульминация «игры» молодежи приходилась на Троицу. Христианский праздник Троица наступает вслед за языческим Семиком. Языческое название праздника «Семик» не упоминается в местной традиции, но вспоминают четверг перед Троицей (это и есть Семик). В Сибири, как и на всей русской территории, праздник особо почитался девушками. Символом девичьего статуса является береза. В четверг девушки шли в лес, завивали концы ветвей березы в венки, «кумились» («По точному смыслу обряда кумовство, поцелуй через венок есть создание союза девушек/женщин между собой, это торжественный момент приобщения к рождающей силе земли» [7, с. 139]). Девушки обходили дворы с наряженной «гостейкой» (березкой), в день праздника ее разряжали, бросали в реку, за плывущей березкой шли берегом до конца деревни. В этот же день срезали и бросали в реку венки, загадывая о судьбе. В Троицу молодежь водила хороводы, чаще всего на особой поляне, что

отражает сакрализацию пространства в языческом хронотопе (М.М. Бахтин). Троицкие хороводы в местной молодежной традиции – это наиболее древний пласт хороводов, выступающий оппозицией более поздним «вечеркам» [4, с. 102; 6, с. 42; 8, с. 3–8].

Ритуальная жизнь енисейской молодежи продолжалась в праздник летнего солнцестояния – в день Ивана Купалы. Девушки гадали о судьбе: плели и бросали в воду венки. Вечером молодежь собиралась на поляне, водили хороводы, играли, пели, жгли костер, прыгали через него. С утра все обливались водой, разрешалось купаться [1, с. 23, 24; 6, с. 19].

Петров день, как правило, завершал весенне-летний период «игры» молодежи – хоровод [4, с. 102; 1, с. 84]. Этот период – достаточно объемный по времени, дискретный по праздникам, связанный с культурами природы, – имел свою логику развития. Ведущая роль в организации группы молодежи принадлежала девушкам. Все собрания проходили «на миру», «на открытом воздухе», на специально отведенном для этого месте (полянки, роши). Проходил показ, экспозиция, участники игры-хоровода. Этот период важен *выделением, отторжением* (термины А. ван Геннепа) группы молодежи от общины.

Соответственно региональным срокам окончания полевых работ начинался новый период «игры» молодежи – общение в закрытом помещении. Названия традиционных собраний молодежи в осенне-зимний период (как и сроки их проведения) различны в разных сибирских местностях («посиделки», «беседы», «роши»). В Енисейском районе, как и в большинстве районов Сибири (в селениях Красноярского Приангарья, в Иркутской области), чаще всего они назывались «вечерками».

Время проведения традиционных зимних собраний молодежи в разных районах Западной Сибири не всегда совпадает с их проведением в Енисейском районе. Сроки этих собраний варьируют от коротких святочных вечеров в Кемеровской [9, с. 5] и Томской областях [10, с. 7], до проведения вечеров круглый год, исключая Великий пост и все предпраздничные дни в районах среднего Приобья. Близкими енисейским вечеркам по времени проведения, являются вечерки в Тюменской области – от Покрова до Крещения, и Приангарья – от Покрова до Масленицы [11, с. 2].

Начало вечерочного сезона приурочивалось к конкретной дате церковного календаря, чаще всего связанного и со сроками начала зимних работ в доме: на Иоанна Богослова – 26 сентября, в Покров – 1 октября, на Заговенье – 15 ноября (даты указаны по старому стилю) [1, с. 114, 200; 7, с. 13]. В день праздника все население деревни собиралось на «общественный пир», совместную трапезу. После этого взрослые группами ходили друг к другу в гости, а молодежь – парни и девушки – «строили вечерку». Так открывался в деревне осенне-зимний сезон, второй этап «игры» – жизни деревенской молодежи. Собирались поочередно у девушек, в бане, чаще же в откупной избе. Каждый день на рабочие вечерки приходили девушки, каждая

² В.С. Арефьев, например, наблюдал, как «девушки... выхаживают по не совсем еще оттаявшей земле» [4, с. 93].

со своей работой (пряли, вязали), при этом пели. Позднее приходили парни, здоровались, угощали девушек, рассаживались, «иногда крали, что девка напряла, потом разматывали по деревне; иногда жгли кудельку». Работа постепенно прекращалась, все начинали веселиться. В праздничные вечера не работали, а только веселились.

Вечеркам во всех сибирских селениях придавалось особое значение. На них возникали чувства взаимной симпатии, устанавливались близкие знакомства. Молодые люди вели себя во время праздничных развлечений достаточно вольно, открыто выражая свои симпатии. Община с пониманием относилась к свойствам возраста молодежи, которая в течение *игры* – *перехода* (во взрослое состояние) выплескивала избыток жизненной энергии, дозревала, преодолевая свою биологическую и социальную неопределенность [12, с. 247]. Главная тема молодежных игр и песен на вечерке – любовь, женитьба, все они заканчивались поцелуями. В вечерочных играх молодежи проявлялись элементы брачных, семейных и общественных отношений.

Временные рамки праздника зимнего солнцезаворота («Коляды») были маркированы Святками, которые, как известно, являются праздничным периодом от Рождества до Крещения. Этот срок отмечался наибольшим многообразием игр и форм художественного творчества крестьянской молодежи, максимальным накалом праздничного веселья. Канун Рождества в енисейской традиции Сочельником не называли, но дома варили и ели кутью. Утром в Рождество дети обходили дворы со звездой и пением колядок, их одаривали. Обходные обряды взрослых, как правило, совершались вечером [1, с. 47; 6, с. 32, 33].

Молодые люди постарше собирались в отдельной избе, которую откупали на сезон вечеров. Праздничное время Святков не называли вечерками, говорили «пошли машкароваться, бегать нарядчиками (рядиться); «в имальца» играть, гадать». Самым ярким кульминационным моментом святочных посиделок, которые приобретали характер игрищ, был приход ряженных; рядились и играли «в свадьбу», «в умруна» [1, с. 32]. По деревне ходили группы «веселых машкаров», которые делали смешные маски, мазались сажей, рядились в цыган, попов, солдат, охотников, стариков; были ряженные «страшные как черти», которых и в дом не пускали [2, с. 9]. Позже, когда деревня засыпала, парни занимались «баловством»: примораживали ворота, разгораживали огород, раскидывали поленницу, заваливали дорогу. В этих обычаях проявляются фарсовые моменты праздника. Фарс же, как известно, является важнейшим институтом народной смеховой культуры (М.М. Бахтин). Фарс способствовал возбуждению ритуального смеха, выступающего мощным стимулом продления жизни, накопления жизненной энергии.

Эмоциональная атмосфера Святков окутана таинственностью, которая во многом обусловлена возможностью контакта с неведомыми силами. Эта особен-

ность, прежде всего, проявлялась в ритуалах гаданий. В прошлом гадания енисейской молодежи сопровождалось пением подблюдных песен [7, с. 122]. Так проходили Святые вечера, в которые, по языческим представлениям, нечистая сила ходила по земле, а святочная вечерка становилась «центром антимира».

Отличительными особенностями второго, осенне-зимнего, периода традиционных собраний молодежи являются общение в закрытом помещении и направленность на свадьбу с выбором и закреплением пар. После Святков, в зимний мясоед, в енисейских деревнях наступал свадебный сезон. К этому времени приурочено справление русских свадеб вообще, а в особенности – северорусских, типологически близким к которым является свадебный обряд Енисейского района.

Известно, что северорусская свадьба по типу драматургии имеет явную ориентацию на погребальный обряд модель этой свадьбы, в терминологии Б.Б. Ефименковой, может быть обозначена как «свадьба – похороны». Следствием этого является огромная роль в драматургии северной свадьбы прощальных обрядов, способствующих *отчуждению* невесты как от ее прежнего эмоционально-физического статуса (девчества), так и от прежнего локуса (дома матери).

К Масленке в селениях Енисейского района парни заранее готовили сбруи для коней, чтобы потом запрягать тройки и возить девок по деревне. Праздновали с четверга (или с пятницы) до понедельника. Днем катались из края в край деревни на лошадях, пели песни (календарных по жанру масленичных песен в местной традиции не пели, звучали песни вторичной приуроченности). Делали снежные горы, катались на санках – кто дальше. Смысл любых катаний на Масленицу заключается в стимуляции плодородия (чтобы трава была высокая, лен долог, хлеба лучше росли) [8, с. 16]. Основано это представление на имитационной магии, которая пронизывает всю календарную обрядность. Особое значение на Масленицу имело ритуальное катание молодоженов («всенародный показ новобрачных») по В. Проппу) – признание и одобрение их союза общиной [7, с. 138].

В соотношении календарного круга и молодежной игры выделяются общие и автономные периоды. Календарь общины равномерно организован праздниками и наполнен ритуалами, основной смысл которых – воздействие на плодородие природных сил. В традиционном сибирском календаре, как и в календаре восточных славян, более развитым в обрядовом отношении оказался праздничный цикл Святки – Масленица, связанный с зимним солнцезаворотом [3, с. 229]. «Солнце поворачивается к новому свету», и вместе с этим начинается пробуждение плодоносящих сил природы, поэтому календарные обряды и праздники, приуроченные к зимнему солнцезавороту (коляды), позволяют осознавать их как начало магического воздействия на плодоносящую силу земли.

Молодежная игра имеет свою направленность и отличается от круга общинных праздников взрослых временем и местом проведения. Игра, состоящая из

двух действий (хоровод и вечерка), дает возможность молодежи за этот период подготовиться к переходу из молодежного возраста во взрослое состояние. Весной происходит *отторжение* молодежной группы для прохождения через *игру-инициацию* (хоровод и вечерка) и *включения* в общину в новом статусе (взрослых ее членов) после свадьбы. В растянутом прощании молодежи со своим кругом можно увидеть понимание, щадящее отношение общины к молодым, особенно к девушкам, во время такого перехода.

Период Святки-Масленица и в общинном календаре, и в молодежной игре, и в семейно-обрядовом цикле является особо значимым. Возможность смыкания трех различных циклов важна для совместного воздействия на силы природы при переходе от небытия (зимы) к жизни (весне). У круга (годового и жизненного) нет начала и конца: завершение молодежной игры – начало земледельческого сезона общины. Масленица маркирует собой границу – переход от прошлого к будущему, прощание со старым и встречу нового с надеждой на лучшее будущее.

Таким образом, масленичным сезоном замыкался игровой цикл молодежи, в свадебном ритуале уже перешедшей в иную возрастную группу. Масленица, выступая проводным обрядом, маркирующим границу сезонов зима–весна, знаменовала собой и кульминацию – прощание с очередным поколением молодежи, прошедшим годовой игровой цикл.

Вместе с наступлением весны вступало в неизменную, словно смена природных сезонов, игру следующее поколение молодежи, достигшей брачного возраста,

с тем, чтобы, пройдя свой игровой круг в сезоне свадеб и Масленицы, замкнуть следующий виток вечного круговорота жизни крестьянской общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Зап. ИРГО. СПб.: Гос. тип., 1913. Вып. XXXVI.
2. Неклепаев И.Я. Традиционные зимние увеселения взрослой молодежи в районах Среднего Приобья // Русская традиционная культура. М.: Родник, 1996. № 1–2.
3. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.: Наука, 1988.
4. Арефьев В.С. В низовьях Ангары. Весна, Лето // Сибирский сборник. 1990. Вып. 1.
5. Громько М.М. Традиционные нормы поведения и нормы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986.
6. Виноградов Г.С. Материалы для народного календаря русского старожильского населения Сибири // Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1918.
7. Протт В.Я. Русские аграрные праздники. М.: Лабиринт, 2000.
8. Городецков П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. XXVI.
9. Похабов В.Ф. Живые родники Кузнецкого края (песни и обряды сел среднего течения реки Кии): Учеб. пособ. с нотным приложением. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.
10. Пархоменко Н.К. Русские народные песни Томской области. М.: Советский композитор, 1985.
11. Забава. Сборник песенно-игрового материала районов Тюменской области / сост. Л.В. Демина. Тюмень: Кн. изд-во, 1993.
12. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX вв. Л.: Наука, 1988.

Н.Р. ОЙНОТКИНОВА

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЗНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В АЛТАЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Институт филологии СО РАН, Новосибирск
e-mail: sibfolklore@mail.ru

В статье делается вывод о том, что образный параллелизм как художественный прием в структуре поэтических жанров по-разному отражает картину мира и ценностное мировосприятие этноса. В пословицах он также имеет свою специфику.

Ключевые слова: алтайские пословицы, образный параллелизм, ценностный стереотип, национальное мировосприятие.

Одним из основных средств создания образности и выражения оценки, наряду с метафорой, в алтайских пословицах выступает образный параллелизм. Это близкая к сравнению синтаксическая фигура речи, служащая для образного сопоставления одного явления с другим.

В свое время в фольклористике существовала точка зрения, согласно которой параллелизм считался одной из форм сравнения. Так, вслед за Ф.И. Буслаевым, Ф.М. Селиванов в своей работе отмечает, что

параллелизм – одна из форм сравнения, и, не выделяя его особо, рассматривает его вместе с ним [1]. Как известно, эти приемы стали разграничиваться с 1898 г. после публикации статьи А.Н. Веселовского «Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля» (переизданной позже в 1940 г. [2, с. 130–225]). Ученый считал, что в отличие от собственно сравнения в параллелизме человеческая жизнь с природною не сравнивается, а сопоставляется по признаку действия, движения.